

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
22—24 мая 2014

Сессия Сбербанка России
НОВАЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: АЛЬТЕРНАТИВЫ И
ПЕРСПЕКТИВЫ

22 мая 2014 — 16:00—17:30, Павильон 8А, Зал Конгрессов

Санкт-Петербург, Россия
2014

Модератор:

Герман Греф, Президент, Председатель Правления, Сбербанк России

Выступающие:

Доминик Бартон, Управляющий директор. McKinsey & Company

Чарльз Виплош, Профессор экономики, Высший институт международных исследований в Женеве

Сергей Глазьев, Советник Президента Российской Федерации по вопросам региональной экономической интеграции

Алексей Кудрин, Декан факультета свободных искусств и наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Лорд Мандельсон, Председатель, Global Counsel; Еврокомиссар по торговле (2004—2008)

Антон Силуанов, Министр финансов Российской Федерации

Алексей Улюкаев, Министр экономического развития Российской Федерации

Анатолий Чубайс, Председатель правления, ООО «УК «РОСНАНО»

Владимир Якунин, Президент, ОАО «Российские железные дороги»

Г. Греф:

Глубокоуважаемые гости Санкт-Петербургского экономического форума, глубокоуважаемые гости нашей панельной сессии, разрешите всех вас поприветствовать на нашей дискуссии, организованной Сбербанком России. Мы всегда стараемся ставить во главу угла такие темы, которые найдут наибольший отклик среди участников Форума. Этот год не стал исключением. Мы провели предварительный опрос предпринимателей в нашей стране с целью выяснить, какой наиболее актуальный для себя вопрос они хотели бы поставить всем высокоуровневым участникам дискуссии на Петербургском экономическом форуме. По итогам этого опроса мы назвали нашу сессию «Новая конкурентоспособность: альтернативы и перспективы».

Разрешите мне представить участников дискуссии. У нас собрался уникальный состав экспертов по заявленной теме. В первую очередь хотел бы представить уважаемых коллег из российского Правительства: Алексей Валентинович Улюкаев, министр экономики Российской Федерации, и Антон Германович Силуанов, министр финансов Российской Федерации. Владимир Иванович Якунин, руководитель «Российских железных дорог», одной из крупнейших инфраструктурных корпораций. Лорд Питер Мандельсон. У Питера огромный опыт работы на различных постах: он был министром в правительстве Великобритании, затем комиссаром ЕС, контролирующим всю торговую политику. После этого он был фактически третьим человеком в Британии — курировал весь бизнес, всю экономическую промышленную политику. Сейчас он продолжает заниматься вопросами экономики и торговой политики в Европе и во всем мире.

Сергей Юрьевич Глазьев, советник Президента Российской Федерации, академик Российской академии наук и активный участник всех экономических дискуссий в нашей стране.

Доминик Бартон, большой друг России, человек, который очень много работает с Россией. Компания McKinsey представляет, наверное, самый большой экспертный потенциал, который использует и российское Правительство, и огромное количество российских компаний. С Домиником нас связывают давние дружеские отношения, и я очень благодарен за помощь, оказанную на различных этапах развития нашего государства экспертами McKinsey.

Алексей Леонидович Кудрин, мой друг и коллега, бывший вице-премьер и министр финансов Российской Федерации, сейчас один из наиболее выдающихся экспертов в области макроэкономики, финансовой политики в нашей стране.

Анатолий Борисович Чубайс, которого особо не надо представлять, сейчас руководит государственной корпорацией «РОСНАНО», до этого занимал посты в российском правительстве, много лет руководил компанией РАО «ЕЭС России» и занимался трансформацией российской энергетики в рыночную конкурентную энергетику. Мы очень просили его прийти к нам, потому что один из ключевых вызовов российской экономики — диверсификация экономики инноваций, и Анатолий Борисович как раз возглавляет это направление.

Наш очень старый товарищ, профессор Женевского университета Чарльз Виплош, который великолепно разбирается в европейской экономической политике и очень хорошо знает Россию. Один из наиболее цитируемых и наиболее, я бы сказал, авторитетных и взвешенных экспертов в области экономической политики.

Если позволите, я начну сессию с небольшого ролика, который мы подготовили совместно с нашими партнерами, компанией CNBC, которых я хотел бы поблагодарить отдельно за многолетнее партнерство и сотрудничество.

Ролик:

Эпоха бурного роста развивающихся экономик заканчивается, экономисты называют это новой нормальностью, но у российской экономики для замедления есть и серьезные внутренние причины. «Основные причины замедления носят не внешний, а внутренний характер». Экономика России росла в среднем на 7% в 2000-х, после кризиса на 4%, а в прошлом году темпы роста и вовсе замедлились. К тому же последние геополитические события усугубили структурные проблемы экономики массированным оттоком капитала. Что же может сделать Россия для повышения своей конкурентоспособности? Либерализация экономики или государственные программы — какое направление лучше? «Государство владеет основными активами и способно осуществлять крупные долгосрочные проекты — то, что при нынешней конъюнктуре не хотят осуществлять частные инвесторы». «Влияние инвестиций в инфраструктуру на развитие экономики, на рост ВВП, вообще говоря, оказывает очень позитивное воздействие на всю экономику». «Мы рассчитываем, что при том, что сами инфраструктурные монополии, скорее всего, сильно не поднимутся в следующем году, практически все другие сектора выигрывают». Имеют ли национальные чемпионы какие-либо преференции в России, и беспокоит ли это зарубежных инвесторов? «Создавать самим государственных чемпионов — это существенно ограничивает частный бизнес». «Это снижает эффективность экономики и это не совсем те условия, при которых зарубежные инвесторы чувствуют себя в равных правах с другими участниками». «Нужно добиться прозрачности модели управления, чтобы зарубежные инвесторы могли уверенно чувствовать себя на российском рынке». Россия стремится улучшить свою позицию в рейтинге Всемирного банка по легкости ведения бизнеса: с 92-го места сейчас на 20-е место в 2018 году. «Легкость разрешения разногласий по контрактам, доступ к кредитным средствам, оплата налогов и сколько времени это всё занимает.

Именно здесь Россия не выдерживает конкуренцию». В этом году Россия потеряла больше всего, 4 позиции по показателю кредитования. «Нужно выстраивать институты рынка, которые мы немножко забыли или не стали развивать, когда у нас было много денег». «Мы должны государственными инвестициями создавать условия для развития предпринимательства». «Необходимы, конечно, серьезные изменения в экономической политике, в приоритетах, в целеполагании и в инструментах. Практически бóльшая часть нашего воспроизводства замкнута на офшоры. Мы должны говорить не только об ответственности власти, но и об ответственности бизнеса». Доля государства в экономике продолжает расти. Так следует ли России либерализовать экономику и приватизировать госкомпании? «Многие госкомпании, конечно, должны быть реструктурированы или проданы». «России необходимы реформы, более открытые рынки, увеличение конкуренции внутри страны». «Особого внимания заслуживают государственно-частные партнерства: они могут увеличить финансирование ключевых проектов, а привлечение частных инвесторов также положительно влияет на комплаенс и стремление к результату». «Взять доход от сырьевых товаров, инвестировать его в крупную инфраструктуру и уделить особое внимание сложной и высокотехнологичной промышленности — вот рецепт успеха для страны». Так нужна ли приватизация или усиление присутствия государства? Двигаться на восток или на запад?

Г. Греф:

Наша дискуссия будет состоять из трех коротких частей. Самая главная посвящена ключевому вопросу: что необходимо изменить в экономической политике российского Правительства для достижения успеха. Я, конечно же, имею в виду не только Правительство, но и всё сообщество, которое занимается проведением и реализацией экономической политики. Мы

постарались сформулировать этот вопрос максимально остро и в максимально общих рамках.

Выяснив, что предпринимательское сообщество интересуется вектор изменения экономической политики в России, мы провели совместно с фондом «Общественное мнение» опрос четырех репрезентативных групп, как мы посчитали, профессионалов. Это были студенты экономических вузов, предприниматели, чиновники и эксперты. Если бы мы спрашивали у рядовых граждан на улице, то получили бы немного другие результаты, но мы постарались выбрать тех, кто понимает, что такое экономическая политика. На первый вопрос: есть ли у России экономическая политика — порядка 70% ответили, что есть. Тогда этой группе был задан следующий вопрос: понятны ли цели этой политики, и опять порядка 30% опрошенных ответили, что нет, а порядка 70% — что понятны.

И первый вопрос, который я хотел бы адресовать министру экономического развития Алексею Валентиновичу Улюкаеву, таков: как бы Вы могли прокомментировать эти ответы; достаточно ли понимания 70% профессионалов для того, чтобы эту экономическую политику успешно проводить?

А. Улюкаев:

Спасибо, хороший вопрос. А что такое экономическая политика? Это заявленные цели или неуклонное, обязательное их достижение? Это приверженность раз и навсегда сформулированным принципам и правилам или их трансформация в зависимости от меняющейся макроэкономической глобальной обстановки? Наша основная проблема давно сформулирована: жесткость российских законов компенсируется необязательностью их выполнения. Отраслевые стратегии, концепции социального и инновационного развития у нас хорошие, а вот их реализация оставляет желать лучшего.

Мы декларируем снижение регулятивного давления на бизнес. На практике же оно увеличилось, и сейчас, по экспертным оценкам, 30–35% издержек производства составляют транзакционные издержки, связанные с высокими регулятивными требованиями, которые оправдываются разными благими целями — безопасностью, охраной окружающей среды. Всё это удорожает бизнес. Мы говорим, что не увеличиваем налоговое бремя. Но если рассмотреть это по совокупности платежей, получится не совсем так. Мы говорим о поддержке малого и среднего бизнеса, а потом неожиданно проводим серьезные изменения в системе страховых платежей, которыми обременяем малый и средний бизнес, и он снова уходит в тень.

Разрыв между правильно продекларированными целями и далеко не всегда им соответствующей практикой порождает у бизнеса неуверенность: надо ли заложить риск того, что реализация целей, поставленных Правительством, пойдет несколько вразрез с их формулировкой? И бизнес закладывает страховку в виде повышенных требований в инвестиционных проектах, например, повышает требования к доходности. Дополнительный регулятивный риск должен быть компенсирован дополнительным возвратом на капитал. Далеко не все проекты способны генерировать этот дополнительный возвратный капитал. Таким образом, мы сразу отсекаем какое-то количество серьезных инвестиционных проектов, и так во всем. Поэтому, с моей точки зрения, главное — обеспечить последовательность реализации принципов экономической политики на практике. Спасибо.

Г. Греф:

Это достаточно самокритичное выступление министра экономики не потребует, я думаю, комментариев с моей стороны и со стороны экспертов. Если коллеги со мной согласны, перейдем к самой важной части нашей дискуссии. Действительно, в ролике прозвучали очень актуальные для нас вопросы. Как один из экспертов, не участвовавших в опросе, могу сказать:

мне экономическая политика правительства до конца не понятна. И не только в ее провозглашенном виде, но и на практике. Как сказал Алексей Валентинович, есть большой разрыв между тем, что декларируется, и тем, что имплементируется. Наверное, ни одно государство не может имплементировать свои планы на 100%, но чем уже гар между декларацией и имплементацией политики, тем выше эффективность правительства. В последнее время произошли серьезные изменения. Резко упали темпы экономического роста. Если ранее мы прогнозировали на этот год экономический рост порядка 3,5–4%, а затем порядка 1,5%, то сейчас мы говорим о –0,5% — +0,5%, что примерно совпадает с рамками статистической погрешности. В любом случае, очевидно, что в этом году мы столкнемся со стагнацией.

В последние месяцы очень резко изменилась международная политическая и экономическая ситуация. Украинские события оказали на нас значительно большее влияние, чем мы могли предполагать. Сегодня мы видим, что многие принципы экономической политики и международных отношений поколеблены. Высказываются новые идеи, суть которых в том, что нужно теперь идти не на запад, а на восток; поддерживать крупные корпорации; государству — больше инвестировать; выращивать национальных чемпионов; инновационную политику поменять на промышленную. В этом огромном спектре мнений очень тяжело сориентироваться и итоге понять, какова же точка зрения Правительства и экспертов, как надо поменять направление экономической политики, чтобы возобновить приемлемые для России темпы экономического роста — не ниже 5–6% — и приток инвестиций в нашу страну. В этом году мы уже имеем рекордный отток инвестиций, свыше 65 миллиардов долларов. Минус 4,5% за четыре месяца — я не помню такого результата за пятнадцать лет моей работы.

Адресую вопрос Сергею Юрьевичу Глазьеву. Готовясь к этой сессии, я прочитал целый ряд интервью и работ Сергея Юрьевича. У него есть своя

точка зрения на то, как изменить экономическую политику Правительства, чтобы стать более успешными.

С. Глазьев:

Спасибо, Герман Оскарович. Я начну с банальной, на первый взгляд, вещи, но в действительности это трудноразрешимая проблема. Первое, что нужно сделать во всей нашей системе управления — и государственной, и частной, — это поднять ответственность лиц, которые распоряжаются ресурсами, принимают решения и оказывают влияние на все сферы нашей жизни. Алексей Улюкаев уже прокомментировал проблему несоответствия целей и действий. Каждый чиновник должен отвечать за достижение поставленных целей. Скажем, если президентом поставлена цель по индикаторам роста производительности труда и количеству высококвалифицированных рабочих мест, должны быть приняты меры, соответствующие общей логике системы управления.

Пятьдесят процентов экономики сегодня — госсектор. Вопрос не в том, много это или мало, а в эффективности его работы. Если в частном секторе собственник утверждает бизнес-планы, отвечает за привлечение инвестиций, делегирует менеджменту полномочия принимать решения в рамках определенных условий, то и государство как собственник должно ставить цели и задачи, разрабатывать планы. Госсектор без плановых индикаторов, без показателей, по которым может оцениваться работа госкорпораций или госфондов, тех же венчурных компаний, которые нам нужны для инноваций, не может работать эффективно. Когда и без того небольшие деньги, выделенные, скажем, на инновации, не тратятся, а размещаются на депозитах, это значит, что чиновники, ответственные за управление, не понимают, как им действовать, потому что над ними нет системы показателей, по которой с них должны спросить, будь то хотя бы индикативное планирование.

Перейдем к частному сектору. Когда мы предлагаем меры по расширению кредита в экономике, по снижению процентных ставок, по расширению инструментов рефинансирования, нам говорят: деньги украдут. Я спрашиваю: как так, даже в госбанках украдут? Даже там украдут. Но это же не разговор. Значит, частный сектор тоже нуждается в определенной системе ответственности. Я никогда не поверю, что крупный банк, который регулируется большим количеством нормативов со стороны ЦБ, может украсть деньги, полученные по схеме рефинансирования под какие-то задачи, под спрос на эти деньги со стороны производственных предприятий или под другие потребности.

Поэтому первое, что нам необходимо сделать, это кардинально поднять систему ответственности во всех контурах управления. Те цели, которые поставил президент в своих известных статьях и указах от 12 мая позапрошлого года, по нашим оценкам, предполагают выход на темпы роста не менее 6%. Возможно ли достичь таких темпов роста в российской экономике? Я отвечаю, что да, возможно. У нас нет ограничений по производственным мощностям: порядка 30% производственных мощностей простаивают. У нас нет ограничения по трудовым ресурсам: на многих предприятиях избыточная занятость вследствие низкой производительности труда. У нас уж точно нет ограничений по природным ресурсам и нет ограничений по человеческому капиталу, судя по тому, сколько наших специалистов работает в Силиконовой долине и в других местах сосредоточения хайтека в мире. У нас есть ограничения по финансам, и это парадоксальная вещь. Страна, которая имеет сегодня положительное сальдо в торговом балансе под 200 миллиардов долларов, длительное время является донором мировой экономики (ежегодный трансфер составляет примерно 100 миллиардов долларов), не может организовать у себя длинный кредит, даже этим не занимается.

В Германии российский бизнесмен может взять в лизинг оборудование под 0,5% годовых на десять лет, а у нас нет ни десятилетних кредитов, ни таких процентных ставок, ни таких механизмов. Условия работы по финансовым ресурсам хуже в десять, даже в сто раз. Чтобы организовать кредит, не надо изобретать велосипед. Можно воспользоваться и европейским послевоенным опытом рефинансирования коммерческих банков под обязательства производственных предприятий, и японским опытом кредитования через банки развития, и современным китайским опытом. Но все эти инструменты требуют очень высокой ответственности в управлении деньгами.

И последнее. Мы уже устали говорить про инновации, научно-технический прогресс как основу конкурентоспособности современной экономики. Поговорим о том, что мировая экономика находится в больших структурных ловушках. Сложившиеся технологические траектории определяют пределы роста. Мир переходит к новому технологическому укладу. Это колоссальные структурные перемены, требующие очень серьезных усилий, в том числе со стороны государства.

Это время неопределенности, которую нужно снимать через субсидирование НИОКР, через льготную амортизацию. Для этого у нас есть огромные резервы: до пяти триллионов рублей может быть запущено в инвестиции через амортизацию.

Это период неравновесности: для перехода к новому технологическому укладу требуются бóльшие инвестиции, норма накопления должна быть повышена как минимум в полтора раза, и такие возможности у нас, с точки зрения нормы сбережения, есть.

Новый технологический уклад вырастает на 35% в год. Очень важно понимать, где находятся точки роста. Здесь нам не обойтись без стратегического планирования вкупе с институтами развития и системой гибкого дешевого долгосрочного кредита.

Г. Греф:

Большое спасибо, Сергей Юрьевич.

У меня есть просьба к коллегам. Иногда разговоры экономистов напоминают старый анекдот про двух физиков: сидят они в баре, хорошенько выпили, мимо них идет симпатичная девушка, и один другому говорит: «Посмотри, какое интересное сочетание атомов движется». Я прошу не переходить на узкопрофессиональную терминологию. Лучше не использовать понятия «монетарная политика» или «стерилизация», потому что не все знают, что это такое.

Итак, Сергей Юрьевич, я записал пять тезисов. Первый — повышение ответственности, или эффективность работы всех государственных органов.

С. Глазьев:

Не только государственных, но и частных тоже. Офшорная экономика, через которую прокачивается 85% инвестиций, это тоже вопрос ответственности частного бизнеса за соблюдение правил регулирования, за уплату налогов и так далее.

Г. Греф:

Но соблюдение ответственности частным бизнесом связано с эффективностью и правил, и действий органов государственной власти.

С. Глазьев:

Я скажу просто: воровать не надо. И не надо обманывать государство. Вы помните, три года назад в ситуации финансового кризиса государство запустило печатный станок и проэмитировало порядка двух триллионов рублей на антикризисные меры. Банкирам сказали: мы даем деньги не

просто на спасение банков, а для того, чтобы деньги дошли до реального сектора. В итоге мы получили спад машиностроения на 40%. Причина в том, что деньги не были доведены до реального сектора, а банки, сыграв на падении курса рубля, получили около 300 миллиардов рублей прибыли от валютных спекуляций. Вот о чем идет речь. Если мы договариваемся работать по какому-то стратегическому плану, каждый должен отвечать за свою часть.

Г. Греф:

Сергей Юрьевич, ремарку про банки я оставлю в стороне. Итак, первый тезис — поднять ответственность и корпоративного, и государственного сектора. Второй — поднять ответственность и эффективность госкорпораций. Третий — изменить денежную политику. Эту тему, думаю, стоит обсудить отдельно. Четвертый — снизить ставки по кредитам. Пятый — новый технологический уклад. Этому термину также лучше избегать, давайте попробуем объяснить более понятным языком, что мы имеем в виду под новым технологическим укладом.

С. Глазьев:

Это комплекс технологий — информационно-коммуникационных, биоинжиниринговых и нанотехнологий. Это те технологии, которые сегодня поднимают экономику. Темп их роста 35% в год. Так же 50 лет назад, в период предыдущей структурной перестройки, возник комплекс информационно-коммуникационных технологий, который рос 20 лет с темпом 25% в год, выступая локомотивом экономического роста.

Г. Греф:

Правительство очень много говорит о том, что надо изменить для создания этого нового технологического уклада.

С. Глазьев:

Надо финансировать.

Г. Греф:

Тогда все вопросы к Антону Германовичу. Хорошо, большое спасибо. Теперь я попрошу выступить моего коллегу Владимира Ивановича Якунина. Как изменить экономическую политику государства, чтобы адекватно ответить на те вызовы, которые стоят сегодня перед нами, и возобновить темпы экономического роста?

В. Якунин:

Прежде всего, уважаемые дамы и господа, уважаемые коллеги, признаком хорошего корпоративного управления является то, что все члены совета директоров застрахованы от возможного нанесения ущерба компаниям их неправильными решениями. Я должен признать, Герман Оскарлович, я еще не успел застраховаться от того ущерба, который я неизбежно понесу, имея рядом с собой двух министров, с которыми мы постоянно дискутируем по поводу того, куда нужно инвестировать деньги, а куда не нужно. На этом подиуме присутствует как минимум два человека из трех, которые самым непосредственным образом определили мою жизнь. Один из них — Алексей Леонидович Кудрин, который в бытность министром финансов, доведенный до иступления моей несговорчивостью по этим же вопросам, произнес фразу: «Володя, ну что ты со мной споришь? Ты понимаешь в железнодорожном транспорте — ты этим и занимайся, а я профессор, я читаю лекции». Мне пришлось защитить кандидатскую диссертацию. А второй — Герман Оскарлович, который, по-моему, в 2001 году, будучи министром экономического развития, представил первый концепт социально-экономической политики и на мой вопрос, почему в этом

концепте отсутствует промышленная политика, сказал: «Володя, ну какая может быть промышленная политика в постиндустриальном обществе?». Надо заметить, что в те годы термин «постиндустриальное общество» был еще более «понятен», чем сегодня — «стерилизация».

Это вступление. Если же говорить серьезно, то мне кажется, что я бы подписался и под словами Алексея Валентиновича как министра экономического развития, и под словами Сергея Глазьева. Что значит «повысить ответственность»? Рядом с предложением об активном инвестировании в инфраструктуру, которое является общепризнанным способом преодоления последствий экономического кризиса, надо поставить на первое место культуру и образование. Ответственность — не милиционер за спиной, а культура, понимание своего места и действий. Мне кажется, что даже на экономическом форуме мы не можем не говорить о необходимости пересмотреть свое отношение к концептам образования, к концептам культуры, потому что человек, который возглавляет компанию, правительство или министерство, — это прежде всего носитель определенной системы взглядов и подходов. Если нам сегодня говорят, что надо переформатировать сознание нашего человека и запретить ему читать в детстве русские сказки, потому что они его неправильно ориентируют, то я соглашусь только в одном: нам нужно реформировать сознание, чтобы воспитать ответственных и дееспособных людей. Сказка про Емелю вовсе не отвращает человека от активного труда. Посмотрите на меня: может быть, я не самый хороший в этом пример, но русские сказки любил и люблю и детям и внукам своим читаю.

Следующее. Мне кажется, мы очень много говорим о том, что делать. Для того чтобы это понять, надо не просто провести работу над ошибками, а признать, что мы делали не так, в чем была ошибка нашего изначального концепта. Вы помните теорию: за 500 дней мы должны были полностью реформироваться и стать очень успешными. Потом были другие концепты.

Я напомним вам о письме девяти лауреатов Нобелевской премии Горбачеву и Ельцину, предостерегающем именно от того, что мы потом делали. Только один нобелевский лауреат поддержал наши предложения, и трижды изменял свое мнение — это господин Фридман. Значит, надо понять, что пошло не так. А дело вот в чем. Уверовав в абсолют рыночной стихии, мы забыли о том, что человек — существо социальное, мы забыли о выполнении социальных обязательств государства. Об этой опасности и предупреждали нас нобелевские лауреаты.

Далее. Международный валютный фонд признал в прошлом году целесообразность использования бюджетных средств для инвестирования таких проектов, как инфраструктура, хотя ранее категорически не принимал такой подход. У нас есть шансы сказать свое веское слово, учитывая географическое положение нашей страны, о возможности создания глобального трансъевразийского транспортного коридора. В нем заинтересованы в том числе присутствующие здесь мои коллеги-железнодорожники из Казахстана.

Очень важной является работа по созданию реальной системы дихотомии государства и общества, бизнеса и общества, бизнеса и государства. У нас много говорится о государственно-частном партнерстве, но это сотрудничество выглядит весьма односторонним: как только ты пытаешься убедить государство в своих взглядах, включается режим административного отношения. Есть задача, и эту задачу нужно решить, а кто потом несет ответственность за результат — второй вопрос. В свое время у нас была очень жаркая дискуссия с присутствующими здесь уважаемыми мною министрами о последствиях замораживания инфраструктурного тарифа. Мы приводили аналитические расчеты, показывающие, что в нынешних условиях оно не активизирует инвестирование частного капитала, но может самым негативным образом сказаться на компании. Результат оказался в нашу пользу, но от этого

ровно ничего не изменится, если у нас не будут отлажены механизмы общения органов гражданского общества с государством.

Например, в Германии ни один закон, влияющий на экономику, не может быть принят, пока его не рассмотрят в структурах гражданского общества.

Нельзя насилловать ментальность целого общества, будь то экономические реформы или социальные преобразования. Я думаю, что слово «насилие» все здесь хорошо понимают.

Что еще можно и нужно было бы сделать. Добиться категорического запрета на любое контролирование, проверки малого бизнеса на протяжении, по крайней мере, первых пяти лет его существования. Он еще ничего не начал делать, а его уже начинают контролировать. И мы еще говорим, что создаем условия для развития малого и среднего бизнеса.

Не должны возникать такие законы, которые отвращают наших граждан, живущих за рубежом, от работы с нашей страной. Возьмем толкования Минфина относительно того, кто является валютным резидентом. Если российский гражданин, постоянно проживающий за рубежом, на один день приезжает в Россию, он становится валютным резидентом России. Мы чего хотим добиться? Чтобы они перестали к нам ездить совсем? Я не понимаю таких решений. Чтобы их не допускать, опять-таки, необходима общественная экспертиза.

И последнее. Сегодня много говорится о том, как с нами несправедливо обращаются, накладывают санкции, и я согласен с этим. Я вообще считаю, что это абсолютно несерьезная вещь, просто недостойная государственной политики. Хотя сейчас в кулуарах встретился с одним испанцем, и он мне рассказал, что каждая испанская компания получила звонок или письмо из американского посольства, предостерегающее против поездки на Экономический форум. При этом было сказано: вы можете, конечно, не воспользоваться нашим советом, но последствия могут вас несколько расстроить.

Нам не надо переворачивать вектор нашего сотрудничества с Запада на Восток или с Востока на Азию. Мы должны продолжать реализовывать промышленную политику, экономическую политику, но в понятных пределах. Я согласен с Вами, Герман Оскарович: я тоже не очень понимаю, что у нас сегодня называется экономической политикой. Если экономическая политика исчисляется только процентом роста ВВП, то я считаю, что это неправильно, это противоречит моим научным взглядам. А вот если речь идет о том, что это сопровождается развитием экономики, развитием общества и в конечном итоге ведет к повышению благосостояния народа, о чем все много говорят, вот такую политику я понимаю. Спасибо.

Г. Греф:

Спасибо, Владимир Иванович. Коллеги, я хотел бы дать слово Алексею Леонидовичу Кудрину. Владимир Иванович сказал, что он не застраховался, но он застраховался. Критиковать бывшего министра экономики и министра финансов, а не сидящих рядом действующих — это лучшая страховка. Если вы не застраховали свою ответственность, так и действуйте, всем советую. Пожалуйста, Алексей Леонидович, зачем Вы не давали Владимиру Ивановичу показать чудеса эффективности на железных дорогах? Из-за Вас мы по сей день ездим со скоростью 13 километров в час.

В. Якунин:

Ну кто Вам это сказал?! Такой скорости нет. Это ошибка, за которую уже извинился заместитель председателя Правительства. Ему дали неправильную информацию, а Вы ее повторяете, ну нехорошо. Вы же сказали, что Вы эксперт в этой области!

А. Кудрин:

Спасибо. Я согласен с тем, что экономическая политика должна быть более понятной. У нас это одна из основных проблем — неясность ориентиров, принципов политики, которая будет проводиться в ближайшие годы. Причина отчасти в том, что мы всегда были очень зависимы от нефти. Теперь надо определиться, как уйти от этой зависимости. Свою роль сыграли и события на Украине, и санкции, которые на нас распространяются, и предложения дистанцироваться от западной экономики: сократить валютные расчеты, ввести валютный контроль, ограничения движения капитала и так далее. Всё это влияет на эффективность бизнеса, на инвестиции сюда как иностранных, так и российских компаний, на возможность репатриировать свою выручку. Поэтому сегодня мы ждем от Правительства более четких сигналов, даже не только от Правительства, но и от Президента. Я надеюсь, что завтра мы услышим что-то конкретное.

Вторая ключевая проблема состоит в эффективности финансирования. С 2000 по 2011 год бюджет увеличился вчетверо в номинальном выражении и примерно в 3,9 раза — в реальном выражении. Мы стали больше покупать услуг, инвестировать, создавать другие блага. Но мы не почувствовали серьезного улучшения качества услуг в здравоохранении, в образовании. Антон Германович Силуанов в одной из своих статей обратил внимание на то, что строительство дорог в реальном выражении увеличилось в два раза, а количество дорог не увеличилось. Иными словами, финансирование давало возможность достичь больших результатов.

Капитализация нашего рынка увеличилась с 200 миллиардов долларов примерно до триллиона, то есть мы существенно увеличили капитализацию российской экономики. Активы банков, а значит, и их возможность кредитовать экономику увеличилась в десятки раз. И что же получилось? Почему мы не удовлетворены докризисными темпами роста, составлявшими около 7%, почему у нас отдельные сектора, такие как

машиностроение, не получали достаточной поддержки в виде долгосрочного дешевого кредита?

Сергей Глазьев говорит, что дело все-таки в финансировании. Поспорю: эффективность расходов и инвестиций оказалась очень низкой на фоне увеличения финансирования. Она была выше в частном секторе, где были частные инвестиции.

Сегодня прозвучал тезис о том, что, имея такие большие валютные доходы, мы могли бы финансировать программы реального сектора, расширять государственные инвестиции. Но когда российские компании-экспортеры получают валютные доходы, чтобы дальше осуществлять свою деятельность на территории России, они продают эту валютную выручку. Она поступает на рынок, и если денежная масса растет в соответствии с потребностями рублевой массы экономики, то увеличению объемов продажи валюты сопутствует укрепление рубля. Было время, когда доллар стоил 30 рублей, потом 24 — это укрепление национальной валюты в номинальном выражении. И импорт стал дешевле. Валютную выручку получали и покупали те, кто завозил импорт. Приток валюты на рынок приводил к увеличению импорта. Если в 2000 году мы импортировали в Россию 50 миллиардов долларов, то в прошлом году — на 350 миллиардов долларов товаров и на 100 миллиардов долларов услуг. Вот куда уходит валютная выручка.

Увеличение финансирования внутренней экономики основано на рублевом кредитовании, и здесь будет поднят вопрос о цене. Наличие выручки в миллиарды долларов не означает, что можно пустить их на финансирование: это приведет только к увеличению предложения валюты на рынке, укреплению рубля и дополнительному импорту на эти доллары. Вот куда они уходят. Баланс точно это показывает.

Г. Греф:

Алексей Леонидович, и все-таки, что нужно изменить в текущей политике в связи с тем, что темпы роста у нас стремятся к нулю, изменилась внешнеполитическая и макроэкономическая ситуация?

А. Кудрин:

Многое: у нас плохой инвестиционный климат, мы занимаем последние позиции в мировых рейтингах по защите прав собственности, по качеству государственного управления, по борьбе с коррупцией и давлением правоохранительных органов на бизнес. Я начал говорить об улучшении инвестиционного климата. Сюда относится и рост инвестиций в инфраструктуру, причем надо раза в три нарастить государственные инвестиции. Но тогда меньше и аккуратнее финансировать социальные расходы. Я предупреждал, что оборонные расходы заморозят реальные возможности увеличивать финансирование сферы инфраструктуры.

Г. Греф:

Даже Швеция решила построить две подводные лодки и купить три самолета, а вы предлагаете заморозить оборонные расходы.

А. Кудрин:

Я не предлагаю заморозить оборонные расходы, но их стоило увеличивать не в четыре раза в течение четырех-пяти лет, а хотя бы в полтора-два раза. Этот шаг действительно отвлек средства от других направлений, в том числе от развития инфраструктуры. А желание подождать с повышением пенсионного возраста привело в 2010–2011 годах к росту тарифов страховых взносов, увеличило дефицит пенсионной системы, и теперь вместо строительства дорог мы финансируем из бюджета дефицит пенсионной системы. К сожалению, если не поднять пенсионный возраст, в ближайшие годы мы будем вынуждены повышать страховые взносы. Или

снова увеличивать финансирование из бюджета в ущерб другим программам. Структура бюджета сегодня не соответствует задачам поддержки экономического роста. Существенно простимулировать экономический рост могут институциональные преобразования и более рациональное использование государственных доходов.

С. Глазьев:

Разрешите сделать уточнение: я не предлагаю потратить 200 миллиардов долларов нашего позитивного торгового баланса в целях поддержки экономического роста через рост импорта, хотя импорт технологий нам был бы весьма полезен. Я говорю о том, что нужно переходить от внешних источников кредита, на которых жила наша экономика за счет потока экспортной выручки от нефти и газа, на внутренние источники кредита. Докризисный экономический рост основывался на том, что мы экспортировали нефть, пользуясь повышением цен, в страну поступала валютная выручка, мы финансировали импорт и получали кредиты за границей. Доля иностранных источников кредитования экономики была около 70%. Мы прекрасно это почувствовали, когда капитал начал уходить: всё стало проседать, в том числе вчетверо снизилась капитализация. Эта модель себя полностью исчерпала, с ней мы уже не получим никакого прироста экономики, поэтому нужно полагаться больше на внутренние источники кредита, что требует существенного изменения экономической политики.

А. Кудрин:

Здесь нужна справка. В нашей экономике инвестиции в основные фонды равняются примерно 20–21% ВВП. Из них всего 3% составляют иностранные инвестиции. Всё остальное — внутренние источники. Это сбережения в экономике, которые транслируются в инвестиции.

Г. Греф:

Есть предложение на этом остановиться. Сергей Юрьевич, действительно, 70% иностранных инвестиций — завышенная цифра.

С. Глазьев:

Я говорю не про иностранные инвестиции, а про кредит! Семьдесят процентов кредитов в экономике формировалось за счет притока иностранных денег.

В. Якунин:

Алексей Леонидович, можно я задам один вопрос в развитие Вашей мысли? Старый вопрос, который мы с Вами тоже обсуждали. Вы по-прежнему придерживаетесь мнения, что инвестирование в инфраструктуру точно так же, как и рост денежной массы в рознице, ведет к инфляции?

А. Кудрин:

Если эти деньги приумножаются за счет печатного станка, то да. Дело в том, что если вы брали деньги из резервного фонда в те годы, когда они были в долларах, и меняли на рубли в Центральном банке, это было чистое увеличение денежной массы, которое приводило к инфляции. Деньги, которые увеличивают деньги в экономике, приводят к инфляции независимо от того, на инфраструктуру они идут или на зарплату. Просто лаг влияния на инфляцию был больше.

Г. Греф:

Анатолий Борисович, пожалуйста.

А. Чубайс:

Мне кажется, что Герман Оскарович абсолютно точно поставил ключевой вопрос. Ситуация изменилась более чем радикально. Помимо анализа роста ВВП для меня важно вот что. Лет десять Россия приближалась к передовым странам мира по уровню жизни. В последние два-три года Россия стала отдаляться. Если мы сохраним такую динамику, то будем всё больше отставать от развитого мира. Это, в моем понимании, катастрофический тренд, который мы обязаны переломить любыми способами. Не реагировать на него нельзя, а значит, нам нужны достаточно серьезные изменения в экономической политике.

Коротко, в чем они могут, а в чем не должны состоять. Давайте для простоты разделим экономическую политику на две части: с одной стороны — макроэкономика, бюджет, инфляция, с другой — институты. В первой части нужен существенно обновленный подход к текущей ситуации. Кудрин десять лет накапливал резервы, много раз за это обруган, проклят, раскритикован, а они накоплены. Для чего мы копили?

Ответ на этот вопрос не очень прост. Я знаю, что даже мои единомышленники высказывают прямо противоположные мнения. Но я считаю, что в макроэкономике нужны перемены, содержание которых нужно очень тщательно продумывать и взвешивать.

В то же время в этой сфере есть вещи, которые, как мне кажется, находятся за пределами разума. Предложения о прекращении экспорта золота, о продаже облигаций стран НАТО, о переводе счетов в долларах из стран НАТО в нейтральные, о возвращении всех принадлежащих государству ценностей и драгметаллов в Россию — как мне кажется, из серии «назло бабушке отморожу уши». Не надо пытаться самим себе навредить. Тех, кто хочет нам навредить, и так достаточно.

А теперь вторая часть — институты. Что здесь можно делать и чего нельзя. Совершенно ясно, что сегодня существенно осложнилась среда и для государственного, и для частного бизнеса. Владимир Иванович, думаю,

понимает, о чем я. Я могу судить по «РОСНАНО», и хотя мы государственная компания, любая частная компания согласится. Значит, мы должны своими институциональными мерами стараться помочь бизнесу, или уж, по крайней мере, не мешать ему дополнительно.

Вот Сергей Юрьевич изложил целую программу действий, в общем, осмысленную, сердцевиной или началом которой является усиление государственного контроля над частными и государственными компаниями. Это означает дополнительные контрольные органы, дополнительные полномочия, увеличение количества проверок. Надо продолжать? Я категорически против. Считаю, что на данном этапе это самоубийственная мера. Считаю, что если мы хотим навредить России, ровно это мы и должны делать. Надо ли объяснять присутствующим, сколько стоит усиление контроля для бизнеса? Не надо? Спасибо. Значит, пойдём дальше. Эта тема, мне кажется, находится за пределами содержательной дискуссии.

Вместе с тем у Сергея Юрьевича есть совершенно здравые предложения. Самое ценное — поддержка нанотехнологий. Вот здесь, я считаю, Глазьев абсолютно прав, я полностью согласен.

С. Глазьев:

Не удержусь от маленькой реплики. Любимый полемический прием Анатолия Борисовича — приписать оппоненту термин, которого он не употреблял, а затем его с пролетарской или с капиталистической ненавистью разгромить. Замечу, слов «усиление контроля» я не произносил. Я говорил об ответственности людей, работающих в системе управления. Конечно, если чиновники будут приходить к вам в десять раз чаще и в десять раз больше затребуют денег, это не означает усиления ответственности, наоборот, это следствие безответственности. Между

прочим, я сторонник резкого сокращения госаппарата, потому что чем он больше, тем больше круговой поруки и безответственности.

Г. Греф:

Сергей Юрьевич, говорят, есть закон перехода количества в качество. Если у нас аппарат еще недостаточно качественный, может, его нужно увеличить?

С. Глазьев:

Так я говорю, что, наоборот, его нужно сокращать, причем в разы!

Г. Греф:

Сергей Юрьевич, если можно, позже я вам дам слово для ремарки. Алексей Валентинович, вам слово.

Алексей Улюкаев:

Спасибо. Наша сегодняшняя тема называется «Новая конкурентоспособность». Как будто была старая и она закончилась. Я так понимаю, что конкурентоспособность всегда одна и та же: это относительно низкие издержки производства, обращения, дистрибуции. Если у вас дешевая рабочая сила и низкая себестоимость, но очень большие транспортные издержки, вы не конкурентоспособны. Если у вас дорогая рабочая сила — то же самое. Если у вас всё дешевое, вы конкурентоспособны. Если у вас всё дорогое, вы точно не конкурентоспособны. Мы утратили управление издержками. Заморозка тарифов, которую критиковал Владимир Иванович, была сделана не для того, чтобы досадить железнодорожникам, а для того, чтобы в условиях спада все те, кто получает от них услуги, смогли немного подышать. Это не означает, что полученный финансовый ресурс они потратят на инвестиции.

Это наша с Антоном Германовичем задача — помочь им принять решение об инвестициях. Они могут его не принять, но, по крайней мере, они не исчезнут с рынка. Распределение бремени в случае снижения экономического роста — очень важная вещь.

Вообще говоря, всё, что происходит в экономике, это набор инвестиционных проектов. Если вы инвестируете деньги в Фонд национального благосостояния, вы принимаете риски, и если не инвестируете, тоже принимаете риски. Бюджетная политика — это принятие или непринятие рисков. Введение нормативных актов относительно бизнеса — это принятие рисков в разных формах.

Что нужно для реализации инвестиционного проекта в широком смысле этого слова? Возвратный капитал, доходность, связанная с издержками, и любые риски, начиная от рыночных, валютных и заканчивая рисками собственной безопасности. Почему чиновник не спешит принять очевидно правильное решение в пользу бизнеса? Потому что он знает по собственному опыту или по опыту своих товарищей, что решение в пользу бизнеса будет трактовано как непринятие решения в пользу государства, и разнообразные контрольные, регулятивные и надзорные органы придут и потребуют ответа. Но ведь бизнес и государство — это ровно одно и то же. Поэтому решение обязательно надо принимать, даже если придется взять на себя персональный риск.

Рассмотрим теперь три вопроса. Мы все инвесторы, домашнее хозяйство — это инвестиция, компания — инвестиция, бюджет — инвестиция. Как помочь инвестору принять решение? Первый шаг, с моей точки зрения, — дерегулирование. Мы каждый год увеличиваем регулятивное давление на бизнес. Я ушел из правительства в 2004 году, а вернулся через девять лет и на собственном опыте знаю о росте нашего регулятивного давления, который выражается в издержках ведения бизнеса, не говоря уже о подковерных издержках. Легальные издержки под разными благовидными

предлогами — это тяжелое бремя для малого и среднего бизнеса. Принципы дерегулирования просты: one in — one out, ввел одно регулятивное требование — отмени другое; введение в действие нормативных актов с обязательным заблаговременным предупреждением, а не на следующий день. Дадим возможность адаптироваться к ним, оспорить их и в случае необходимости компенсировать издержки. Если на стадии жизни инвестиционного проекта регулятивные органы приняли решения, отменяющие те условия, которые закладывались в инвестиционный проект, и навредили ему, они должны за это ответить, заплатить за это бизнесу. Сейчас такого рода элементы встроены в законодательство о концессиях, но применять их надо шире.

Второй момент — мобильность всех ресурсов: трудовых, финансовых, природных, производственных. Это влечет за собой снятие инфраструктурных ограничений. Я был на министерской конференции АТЭС, там принято такое понятие — connectivity, взаимосвязанность. Три уровня взаимосвязанности: hard — логистика, инфраструктура, дороги, порты, трубопроводы; soft — нормативные акты, законы; и people to people — взаимодействие людей. Вот три базовые вещи: в условиях глобализации мы должны обеспечить быстрое и качественное движение товаров и услуг, мобильность и гибкость требований, которые мы предъявляем к рабочей силе или бизнесу, и взаимодействие между трудовыми ресурсами.

Последнее, к чему я хотел бы вернуться, — бюджетный маневр, о котором сегодня уже говорил Алексей Леонидович. В образование, в здравоохранение, в развитие человеческого капитала, в инновации мы вкладываем много. В дороги мы вкладываем мало. Теоретически у нас есть три возможности, чтобы вложить больше: повысить налоги, но это табу, сократить расходы или где-то занять денег, потому что инвестиционный проект в ряде случаев предполагает возможность использования заемных средств. Но самым правильным способом была бы оптимизация расходных

обязательств. Приоритизация, то есть увязка обязательств, зафиксированных в нормативных актах и бюджетах, с реальными обязательствами по обеспечению экономического роста и роста благосостояния — чрезвычайно важная вещь. Спасибо.

Г. Греф:

Спасибо большое. Антон Германович, что нужно изменить, чтобы восстановить темпы экономического роста? Или, может быть, как сказал Алексей Валентинович, начать делать значительно интенсивнее то, что раньше делалось не так хорошо?

А. Улюкаев:

Вопрос «что изменить» не стоит обращать к тем, кто сейчас работает в Правительстве. Они по определению проводят ту политику, которую считают правильной. Было бы странно, если бы мы считали, что реализуем неправильные меры, и поэтому нам надо принципиально что-то изменить.

Г. Греф:

Мы еще спросим у международных экспертов.

А. Силуанов:

Уважаемые коллеги, сейчас обсуждался вопрос оценки экономической политики Правительства. Хочу вернуть нас на год назад. Помните, когда Соединенными Штатами вводились ограничения в количественных смещениях, капиталы побежали со всех развивающихся рынков, а на российском остались. Тогда доверие стран-инвесторов к России не было подорвано, и это благодаря той политике, которую проводит Правительство. Сейчас, конечно, у нас ситуация сложная, капиталы убежали, но по абсолютно другой причине.

Сегодня мы обсуждаем тему «новая конкурентоспособность». Я думаю, имеется в виду конкурентоспособность в новых, сложных условиях, с учетом санкций, направленных против нас. Очевидно, надо переосмыслить ряд позиций. И в первую очередь, избегать неопределенности. Ни в коем случае не закрываться, не вводить валютные ограничения, а четко проводить финансовую, бюджетную, денежно-кредитную политику — она, повторюсь, в России не самая плохая, и прошлый год об этом свидетельствует. Инвесторы, которые работают в России, смогут закладывать значительно меньшие риски, видя последовательность деклараций и действий Правительства и Центрального банка.

Что касается мобилизации ресурсов, бюджета, я полностью согласен с тем, что у нас один маневр — сокращение дотаций пенсионному фонду, повышение пенсионного возраста и целый ряд еще не реализованных решений. И, конечно, оборона. Безусловно, эти два крупнейших расходных обязательства делают неповоротливой нашу бюджетную конструкцию, и если непопулярные решения высвободят средства на инфраструктуру, надо их принять. То же самое в госкорпорациях: мы надеялись сохранить инвестиционные программы, не повышая тарифы, но не везде это получилось. Издержки государственных корпораций в последнее время превышали инфляцию, а издержки в частных компаниях росли меньшими темпами.

Следующий вопрос — улучшение инвестиционного климата. В нынешних условиях надо активнее проводить политику для бизнеса, чтобы бизнесу работалось комфортнее. Правительство поставило перед собой задачу приблизить те решения, которые намечались на 2015–2016 годы, относительно малого и среднего бизнеса, быстро адаптирующихся, способных быстро вырасти и поднять экономику. Мы уже вступаем в первую, сложную, фазу и видим, что инвесторы возвращаются к нам на

рынки, спреда падают, и если мы дальше будем четко следовать своей парадигме, я надеюсь, что доверие будет восстанавливаться. Спасибо.

В. Якунин:

Прошу прощения, Антон Германович, но Вам хорошо известны баланс и бюджет ОАО «РЖД». Как Вы можете говорить, что издержки компаний с государственным участием превышают инфляцию? Ни разу за все десять лет с момента реформирования компании этого не было. Тарифы не росли в уровень инфляции.

Г. Греф:

Владимир Иванович, это он про Сбербанк говорил, не про «РЖД».

C. Wyplosz:

Well, thank you very much. I want to start where Mr Chubais ended, with the fact that Russia has not been catching up with Western countries. In fact, I did a study of all the transition countries since the early 1990s, and Russia is one of the few countries that has not, since 1991, reduced the gap vis-à-vis the US or Western Europe. In the last three years it has increased again, but the gap was not closed before that. So there is a deep problem about Russia, and certainly some things can be done better.

What I am worried about is the direction of these discussions. Mr. Gref, if I may, you opened up by saying that we have seen dramatic changes, we have seen deep political problems with sanctions, and in the last three or four years the level of growth has slowed down or has reversed. So we have to envision big changes. I am very worried about that because I believe, deeply believe, that both phenomena are short-run phenomena. I very much hope and I believe that the political tensions that we have now will be solved within a fairly reasonable

amount of time, and that the sanctions are just temporary posturing that will not last.

As for the recession, well, you are in a recession. It is temporary. The nature of economic fluctuations is that recessions follow years of fast growth, and they are not telling you that you should react to them. That does not mean that there should not be changes. Here, I want to react to the discussions I have heard, and I have been amazed that so much of the discussion we have had has been about government. Government spending, government investment, government management. It reminds me of my country, France, 50 years ago. There we also had the whole discussion about more government and do this and do that, and people were debating.

What has happened over the last 40 years is that France has not been able to close its gap vis-à-vis the United States, either. In fact, it has moved down. You have a nice picture here, I think it was not shown, where you look at the countries with the best highways and railways. France is at the top, and yet it is going down every year. This means that maybe that is not the right discussion. What I have not heard here are discussions about who will be the next Russian Steve Jobs or Bill Gates. These people do not need government, they do not need infrastructure, but they need a corporate culture. They need a legal infrastructure that allows them to become the richest people in the world. That has not been part of this discussion, and I think where you should start is there, asking why it is that over the last 20 years of economic transformation, Russia has not been able to nurture a global company, or two or three, out of nothing. Thank you.

Г. Греф:

Спасибо большое, Чарльз. Не могу не заметить: все-таки у нас есть целый ряд собственных компаний, и Россия — одна из немногих стран, имеющих свой национальный поисковик, которому принадлежит 70% рынка. Сергей Брин тоже по происхождению наш и учился математике у нас.

Питер, просьба высказать вашу точку зрения. Что позволит нам резко изменить качество и темпы экономического роста и диверсифицировать экономику?

P. Mandelson:

Well, my simple response to what you say is that what Russia can do to solve its problems and to engineer economic growth, it cannot do by itself in isolation from the rest of the world. That would be my main point. I think there is a tacit division opening up on this panel between those who, in a sense, are looking inwards to Russia's own devices and its own resources to reorganize itself, so as to make better use of those resources and help solve its own problems, and those, on the other hand, who realize that Russia is now part of an international system, part of a global economy, and that Russia should not and cannot insulate itself from international forces, international trade, international capital, and international markets. That really is the point I would like to stress in my own contribution.

For this reason, I think that the political crisis that has been sparked between Russia and the West, between Russia and Europe and the United States, is rather more serious, Charles, than your characterization of it. These sanctions are not going to go away easily. They are not a temporary indulgence. And certainly, if things get worse in Ukraine in the coming weeks, then my firm prediction is that the sanctions will be extended. They will be strengthened rather than simply disappear. I think that in those circumstances, Russia will have not only forfeited political trust in Europe and with the United States, with the result that sanctions have flowed. As seriously, and probably more seriously, it has also forsaken market confidence, with the result that Russia could find itself increasingly frozen out of international markets, which would have very serious consequences indeed for the future direction of the Russian economy. Therefore, in other words, in my view, for the sake of a regional, political entanglement in Ukraine, Russia is quite possibly jeopardizing its own economic future, and

Crimea, which at first appeared to many people in Russia to be a sort of tactical success, is at best a pyrrhic victory when people in Russia realize the costs and the logistical challenges that are now going to fall into Russia's lap as a result of having annexed Crimea. But even worse than a pyrrhic victory, it could be quite a self-inflicted economic wound.

Now if this does get more serious and the crisis deepens in the coming weeks and months, which I hope very much it will not do – avoiding that is very much in the hands of Russia and the Russian Government – then I think that many in Russia will start asking themselves some pretty unpalatable questions about where Russia and its economy goes from here. I think some will say, well, if this is the way the rest of the world wants to treat us, then let us close our economy. Let us have less to do with the rest of the world, if this is how the West wants to treat us.

I think that could lead to some very dangerous conclusions indeed. I mean, people will say, well, if the West hates us, why not turn eastwards instead, even if that means giving China the upper hand over Russia, which we may have seen in the gas deal that has been made this week. People might say, well, if we cannot rely on the foreign private sector, if we cannot rely on foreign direct investment, then let us simply go back and rely on our old state monopolies instead. I think that would be the wrong conclusion to draw from what people might present as a very artificial choice. Or they may say that if international finance is against us, then let us just dig deeper into the Ministry of Finance and its resources in the way that we have done before. Or if the international trading system is getting harder for us, let us simply go back to protectionism and import substitution instead, or if international markets are not doing us any great favours, why not just do without markets altogether.

Now you see the danger that is posed in all those choices that some people might think are the right choices to make. If the wrong choices in each of those areas that I have set out are made, I think you would very quickly find not just

Russia and its economy closing down to the rest of the world; I think you would find the Russian economy going backwards rather than forwards in the way that it needs to do. Those are not a set of choices, I hope, that Russia and its people and its government will make. I hope very much that Russia will be able to restore trust and will be able to restore confidence, but those do depend on political decisions by Russia's government, and those have got to be made, in my view, in the right direction in the coming weeks and months.

Г. Греф:

Спасибо, Питер. Сергей Юрьевич, только если очень коротко.

С. Глазьев:

Я бы хотел сказать, что все эти угрозы сильно преувеличены, что видно и по сегодняшней дискуссии, и по более широкой полемике. В России сегодня нет достаточно значимых политических сил и намерений, чтобы закрывать страну, закрывать экономику и самоизолироваться. Наоборот, попытка Запада изолировать Россию вызывает бóльшую активность России на внешних рынках — на Востоке, на Юге и так далее. Нет речи даже об изменении системы регулирования. Мы говорим о минимизации ущерба. О том же говорил Анатолий Борисович: если Америка грозит заморозить нам активы, нужно быть очень наивным человеком, чтобы эти активы оттуда не забрать. Такие угрозы и являются источником нестабильности. С нашей же стороны не было ни одного действия, которое давало бы повод обвинить Россию в том, что она нестабильный партнер. Мы сохраняем и контракты, и готовность работать как на Запад, так и на Восток.

Еще до украинского кризиса Россия предложила построить зону сотрудничества с преференциальным режимом от Лиссабона до Владивостока. Десять лет Владимир Владимирович Путин продвигает эту идею, она была актуальной и в декабре, после переворота на Украине, она

остаётся открытой и сейчас. Но когда мы говорим, что Украина должна быть интегрирована в эту общую зону развития на взаимовыгодных условиях, нам говорят: нет, Украина должна потерять суверенитет и стать, с точки зрения юрисдикции, частью Евросоюза. Это уже угрозы, которые выливаются в войну и становятся источником нестабильности. И опять же, они исходят не от нас, а со стороны чрезмерно агрессивной внешней политики наших западных партнеров.

Г. Греф:

Спасибо, Сергей Юрьевич.

А. Чубайс:

Я могу прокомментировать, Герман Оскарлович, то, что сейчас было сказано? Во-первых, слова «угроза» со стороны Питера Мандельсона не звучало, а когда рассуждение трактуется как угроза, это само по себе есть перевод нормальной дискуссии в экстремальную, в поляризацию, естественным завершением которой, — такой риск существует, я с Питером согласен, — будет тема под названием «изоляция». Раз они такие плохие, давайте мы от них закроемся. Сергей Юрьевич не видит в России политических сил, которые бы этого хотели. Я их вижу и считаю, что они достаточно серьезны. В моем понимании этот риск серьезен и значим, хотя к нему нужно относиться трезво

Вспоминаю, как 30 лет назад в этом же самом городе больше половины российских участников дискуссии, включая Сергея Юрьевича, обсуждали ровно те же, фундаментальные темы. Самоизоляция — это серьезная опасность. В условиях самоизоляции невозможно решить две главные задачи: повысить экономический рост и диверсифицировать экономику, создать инновационную экономику. Если Сергей Юрьевич Глазьев против

самоизоляции, тогда я с ним полностью согласен и беру всё, что было сказано, назад.

С. Глазьев:

Если помните, работая в правительстве, я отвечал как раз за открытие российской экономики.

А. Чубайс:

Я помню всю сферу вашей ответственности.

Г. Греф:

Как видите, Сергей Юрьевич, представляющий здесь крайний спектр всевозможных экономических мыслей у нас в стране, не предлагает ни экономической изоляции, ни увеличения госрегулирования, так что можно не опасаться, что некие политические силы у нас что-то подобное создадут. Анатолий Борисович, не переживайте.

Доминик, прозвучало много идей, много предложений. На Ваш взгляд, нужно ли нам сегодня что-то поменять? Мы исходим из того, что экономический рост стремительно падет, и в связи с ситуацией с Украиной его падение еще ускорилось.

Я так же, как и Чарльз, оптимист и надеюсь, что острая политическая ситуация будет разрешена. В конце концов, у нас нет другого пути, кроме как восстановление доверия.

Питер, если помнишь, когда мы с тобой начинали совместно работать, то не вполне доверяли друг другу, у нас было очень много жарких споров. Однако за многие годы мы выработали самое главное: между нами установилось полное доверие, мы перестали подозревать друг у друга скрытые намерения. После этого все вопросы стали решаться на порядок легче, потому что доверие — это вопрос номер один. В современном мире без

доверия строить отношения и работать просто невозможно, и, в конце концов, очевидно, что недоверие навлекает громадный налог дополнительных издержек на любую экономику.

Что касается Крыма, то он занимает особое место в русском сознании, и здесь есть большое недопонимание. Но это тема для отдельной дискуссии.

По Вашему мнению, Доминик, что нам нужно изменить в сложившихся условиях: падения темпов экономического роста и очень непростой международной ситуации, в первую очередь экономической?

D. Barton:

Well thank you, Herman. I, like you, am an optimist in terms of looking forward, and I am an optimist about what Russia can do. I think one thing we have to recognize is that it is obviously a tough situation, primarily in terms of growth, let alone the political crisis that is going on. I would actually suggest that warrants a bit of a jolt. I do not think 'steady as she goes' will bring the Russian people any benefit in terms of the potential that is there, or the rest of the world. So I actually think this is a time for a jolt, if I might say it, a chance to recharge and drive things. I take a lot of inspiration from what some other countries have done around the world with less resources and capability than Russia has. I am talking about countries like Malaysia and Columbia and Chile, where you see the private sector and the public sector, not in public-private partnerships, but working together on priority sectors to increase growth rates. Malaysia decided they wanted to increase their GDP growth rate by two percentage points. That was the objective function; they looked at the sectors they wanted to go after.

So I think first of all it is time for a jolt, time to ask how we are going to get this economy moving at the metabolic rate at which it deserves to move. A couple of ideas – I know we are short of time, but I would throw them in here.

One is around the private sector. To Charles's point, I think when you look at the SME sector in Russia, it is about 21% of GDP. It is about a third of the size that it

is in Germany. What I think is that we have got very talented entrepreneurs and potential entrepreneurs. We see it from the education system. But it is very difficult to be able to start a new business because of the regulations and so forth that are there. Again, I will use another country as an example. Two years ago, if you visited the Mayor of Beijing, and you went into his office, you would see three numbers: 36, 35, and 6. I thought it was some new party manifesto that was going on. In fact, it was that it takes 36 days to start a new business from scratch in Beijing, 35 in Shanghai, and six in Singapore. That is what the Mayor wanted people to see. I think we have to get some very granular comparisons about how quick it can be to build businesses so that we get real about where we are. I think there is a lot of potential on the SME side.

The second area I would look at is some sector prioritization. Some people may wonder why McKinsey is talking about a government-led thing; we are market-driven people. When you focus on some priorities, I think there are some big ones, with big potential – energy-related manufacturing. One of the biggest drivers of US growth right now is the shale revolution: energy costs are reducing, which is allowing much more manufacturing to be done in the US than was done before. We are seeing reshoring from China and from Asia. I think there is a lot of potential to build businesses around the energy and manufacturing-related areas. It takes two hours of labour to make a refrigerator; most of the cost is in logistics and energy when you go through it. So I think there is opportunity on that side.

About the whole infrastructure need. I am a big fan of the comments about using some capital to invest in building out the infrastructure because it drives up productivity. Again, I think we should look at what other regions of the world are doing. Believe it or not, I think Africa, the continent of Africa, is leading in terms of the boldness with which they are investing in infrastructure – on railways and roads and so forth – and the cooperation that occurs. So I am a big fan of doubling down on the infrastructure. It creates jobs, the productivity benefits are

huge, and there are people that want to invest in this, capital that wants to invest in long-term efforts.

The third is the point about the broadening of Russian companies into other markets, as Peter said, not just in the West but also in the East and with Africa. If there is only one statistic to remember, for me at least, it is this: there are going to be 2.2 billion middle-class consumers coming into the system in the next 20 years. We have never had that in our history before.

So there is a huge opportunity for Russian companies to participate in those businesses, in that role, whether it is in manufacturing, products, or services. Again, I would use this as a chance to be looking out in those areas. So I think we need a jolt, I think we need some focused areas in terms of the sectors, we need to recharge, if you will, and unleash the SME sector, get out of the way to be able to drive it. Then I think we could get more growth occurring in the economy.

Г. Греф:

Позвольте мне задать один вопрос. Вы занимались правительственными программами повышения экономического роста во многих странах. Какое направление Вы считаете приоритетным для повышения эффективности экономической политики российского Правительства?

D. Barton:

You will probably not be surprised, but it would be deregulation – getting rid of all the barbed wire and issues to get around in terms of trying to build businesses and run businesses. I think there is a lot of productivity that can come from that.

Г. Греф:

Большое спасибо. Алексей Леонидович, как Вы ответите на этот вопрос?

А. Кудрин:

Я присоединяюсь: дерегуляция с повышением качества того управления, которое останется.

Г. Греф:

Анатолий Борисович, вам слово.

А. Чубайс:

Я согласен: дерегулирование и тем самым — максимальная поддержка всех видов бизнеса.

Г. Греф:

Чарльз, ваше мнение.

С. Wyplosz:

Like everybody else, I agree. But I would like to remind everyone that people seem to think that only industry is an engine of growth. Services is the future of the world, including of Russia. And you do not need to have all this heavy infrastructure to have services.

Г. Греф:

Thank you. Сергей Юрьевич.

С. Глазьев:

Я сейчас должен бежать в аэропорт и с ужасом думаю: а вдруг дерегулирование распространится и на авиаперевозки, я тогда не долечу. Но если говорить серьезно, мне кажется, нет одного главного принципа. Точнее, главный принцип — не упрощать ситуацию, она очень сложная. Пытаюсь найти простые решения, мы попадаем в ловушку.

Г. Греф:

Но мы всё же говорим не о единственном решении, а о приоритетном. Питер, назовите приоритет номер один.

Г. Греф:

Владимир Иванович, пожалуйста, ваш приоритет.

В. Якунин:

Я бы, прежде всего, определил понятие дерегулирования, потому что его можно истолковать как угодно. Дергулирование — это искоренение бюрократических препон для развития бизнеса.

Г. Греф:

Однажды я поднял вопрос дерегулирования в Государственной Думе, и он вызвал отторжение. Тогда Владимир Владимирович Путин сказал: это не дерегулирование, это дебюрократизация, и был прав, потому что дебюрократизацию поддерживают все.

В. Якунин:

А что касается моего предложения, то смена парадигмы заключается как раз в принятии парадигмы развития. Это означает инвестирование реального сектора экономики на условиях, которые были здесь уточнены, и, безусловно, инвестирование в инфраструктуру.

Г. Греф:

Прошу Вас, Антон Германович.

А. Силуанов:

Согласен, что надо дерегулировать и работать над институтами, об этом все говорили. Но так же важно снижать долю госсектора в экономике, повышая его эффективность.

Г. Греф:

Спасибо.

А. Улюкаев:

Знаете, сейчас как-то привычно учиться у китайцев. Вот инь и ян, они всегда бывают вместе. Так же регулирование и дерегулирование. У нас сейчас преобладает ручное управление, а нормальное регулирование — это управление через регулятивные правила, простые и понятные, и дерегулирование, которое означает уменьшение количества этих правил и сокращение дистанции между регулятором и тем, кого он регулирует.

То есть надо регулировать то, что надо регулировать, и дерегулировать то, что не надо регулировать, и не перепутать первое со вторым.

И последнее. У нас сейчас непростое время. Перед Россией, как и перед другими странами в таком же положении, стоит дилемма: есть два решения проблем, реалистическое и фантастическое. Реалистическое — это если прилетят марсиане и всё за нас сделают, а фантастическое — это если сами справимся. Спасибо.

Г. Греф:

Большое спасибо. Уважаемые коллеги, нам предстоит голосование, поэтому прошу вас взять в руки пульты. Предлагаем на выбор шесть вариантов главного направления государственной политики для повышения конкурентоспособности. Это не значит, что они исключают друг друга. Пожалуйста, выберите то направление, которое вам кажется наиболее важным.

Итак, мы видим, что приоритет у развития малого бизнеса, за ним следует диверсификация инноваций и развитие рыночных институтов, а на третьем месте — реформа госаппарата для повышения эффективности его работы. Коллеги, подведем коротко итоги нашей панельной дискуссии, результаты которой мне кажутся очень важными. Мы постарались собрать мнения всех, кто в последнее время высказывался наиболее ярко и зачастую полемично в отношении путей дальнейшего развития нашей экономики. Тем не менее вы видите, что этот спектр мнений не отличается кардинально от того, который мы услышали от экспертов бизнеса и чиновников в нашем ролике, и от точек зрения присутствующих здесь высокоуровневых экспертов. России не нужно радикальным образом отклоняться от сложившегося направления развития.

Чарльз сказал, что мы находимся на этапе экономического цикла под названием спад. Это случается в любых экономиках, но в России, как сказал Владимир Владимирович Путин, во многом продиктовано внутренними причинами. Следовательно, нам внутри надо разбираться с повышением нашей общей эффективности, с повышением эффективности государства, корпоративного управления, всего нашего инвестиционного процесса.

Каких-то фантастических рецептов разворота нашей политики в новую, неизведанную сторону не существует, я позволю себе это смело заявить. Поиски третьего пути — очень неблагодарное занятие, мы потратили на него много лет. На поиски третьего пути в основном бросаются те, кто не знает первых двух. Мне кажется, что сегодня самый правильный рецепт — последовательно претворять в жизнь принципы рыночной экономики, повышать эффективность государственного регулирования на всех уровнях, сокращать количество чиновников, сокращать количество регулируемых видов деятельности, утончать регулирование там, где оно необходимо. И уж ни в коем случае нельзя забывать про базовые ценности,

о которых сказал Владимир Иванович: образование, культуру и толерантность — то, что на Западе называется эмоциональным интеллектом. Взаимодействие друг с другом, искусство коммуникации является основой любой экономической конструкции.

Я хотел бы поблагодарить всех вас, уважаемые господа панелисты, за то, что наша дискуссия сегодня прошла очень конструктивно, очень корректно и была в необходимой степени острой и интересной. Большое спасибо.